

Буря-богатырь Иван коровий сын

136[1]

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король со своей королевою; не имели они детей, а жили вместе годов до десяти, так что король послал по всем царям, по всем городам, по всем народам — по чернети[2]: кто бы мог полечить, чтоб королева забеременела? Съехались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормил их досыта, напоил всех допьяна и начал выпрашивать. Никто не знает, не ведаёт, никто не берётся сказать, от чего б королева могла плод понести; только взялся крестьянский сын. Король вынимает и даёт ему полную горсть червонцев и назначает сроку три дня.

Ну, крестьянский сын взялся взялся, а что сказать — того ему и во сне не снилось; вышел он из города и задумался крепко. Попадаетеся ему навстречу старушка:

— Скажи мне, крестьянский сын, о чём ты задумался?

Он ей отвечает:

— Молчи, старая хрычовка, не досаждай мне!

Вот она вперёд забежала и говорит:

— Скажи мне думу свою крепкую; я человек старый, всё знаю.

Он подумал: «За что я её избранил? Может быть, что и знает».

— Вот, бабушка, взялся я королю сказать, от чего бы королева плод понесла; да сам не знаю.

— То-то! А я знаю; поди к королю и скажи, чтоб связали три невода шёлковые; которое море под окошком — в нём есть щука златокрылая, против самого дворца завсегда гуляет. Когда поймает её король да изготовит, а королева покушает, тогда и понесёт детище.

Крестьянский сын сам поехал ловить на море; закинул три невода шёлковые — щука вскочила и порвала все три невода. В другой раз кинул — тож порвала. Крестьянский сын снял с себя пояс и с шеи шёлковый платочек, завязал эти невода, закинул в третий раз — и поймал щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взял и понёс к королю. Король приказал эту щуку

вымыть, вычистить, изжарить и подать королеве. Повара шуку чистили да мыли, помой за окошко лили: пришла корова, ополощины[3] выпила. Как скоро повара шуку изжарили, прибежала девка-чернавка, положила её на блюдо, понесла к королеве, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и королева.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Чрез несколько времени приходит со скотного двора скотница, докладывает королю, что корова родила человека. Король весьма удивился; не успел он принять эти речи, как бегут сказать ему, что девка-чернавка родила мальчика точь-в-точь как коровий сын; а вслед за тем приходят докладывать, что и королева родила сына точь-в-точь как коровий — голос в голос и волос в волос. Чудные уродились мальчишки! Кто растёт по годам, а они растут по часам; кто в год — они в час таковы, кто в три года — они в три часа. Стали они на возрасте, слышали в себе силу могучую, богатырскую, приходят к отцу-королю и просят в город погулять, людей посмотреть и себя показать. Он им позволил, наказал гулять тихо и смирно и дал денег столько, сколько взять смогли.

Пошли добрые молодцы: один назывался Иван-царевич, другой Иван девкин сын, третий Буря-богатырь Иван коровий сын; ходили-ходили, ничего не купили. Вот Иван-царевич завидел стеклянные шарики и говорит братьям:

— Давайте, братцы, купим по шарiku да станем вверх бросать; кто бросит выше, тот у нас будет старший.

Братья согласились; кинули жеребий — кому бросать вперёд? Вышло Иван-царевичу. Он кинул высоко, а Иван девкин сын ещё выше, а Буря-богатырь коровий сын так закинул, что из виду пропал, и говорит:

— Ну, теперь я над вами старший!

Иван-царевич рассердился:

— Как так! Коровий сын, а хочет быть старшим!

На то Буря-богатырь ему отвечал:

— Видно, так богу угодно, чтоб вы меня слушались.

Пошли они путём-дорогою, приходят к Чёрному морю, в море клохчет гад. Иван-царевич говорит:

— Давайте, братцы, кто этот гад уймёт, тот из нас будет большой!

Братья согласились. Буря-богатырь говорит:

— Унимай ты, Иван-царевич! Уймёшь — будешь над нами старший.

Он начал кричать, унимать, гад пуще разозлился. Потом начал унимать Иван девкин сын — тоже ничего не сделал. А Буря-богатырь закричал да свою тросточку в воду бросил — гаду как не бывало! И опять говорит:

— Я над вами старший!

Иван-царевич рассердился:

— Не хотим быть меньшими братьями!

— Ну так оставайтесь сами по себе! — сказал Буря-богатырь и воротился в своё отечество; а те два брата пошли — куда глаза глядят.

Король узнал, что Буря-богатырь один пришёл, и приказал посадить его в крепость; не дают ему ни пить, ни есть трое суток. Богатырь застучал кулаком в каменную стену и закричал богатырским голосом:

— Доложите-ка своему королю, а моему названому отцу, за что про что он меня не кормит? Мне ваши стены — не стены, и решётки — не решётки, захочу — всё кулаком расшибу!

Тотчас докладывают всё это королю; король приходит к нему сам и говорит:

— Что ты, Буря-богатырь, похваляешься?

— Названный мой батюшка! За что про что ты меня не кормишь, трое суток голодную смертью моришь? Я не знаю за собой никакой вины.

— А куда ты девал моих сыновей, а своих братьев?

Буря-богатырь коровий сын рассказал ему, как и что было:

— Братья живы-здоровы, ничем невредимы, а пошли — куда глаза глядят.

Король спрашивает:

Отчего же ты с ними не пошёл?

— Оттого, что Ивану-царевичу хочется быть старшим, а по жеребью мне достаётся.

— Ну хорошо! Я пошлю воротить их.

Буря-богатырь говорит:

— Никто, кроме меня, не догонит их; они пошли в такие места — в змеиные края, где выезжают из Чёрного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые.

Король начал его просить; Буря-богатырь коровий сын собрался во путь во дороженьку, взял палицу боевую и меч-кладенец и пошёл.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; шёл-шёл и догнал братьев близ Чёрного моря у калинового моста; у того моста столб стоит, на столбе написано, что тут выезжают три змея.

— Здравствуйте, братцы!

Они ему обрадовались и отвечают:

— Здравствуй, Буря-богатырь, наш старший брат!

— Что, видно, не вкусно вам — что на столбе написано?

Осмотрелся кругом — около моста избушка на курьих ножках, на петуховой головке, к лесу передом, а к ним задом. Буря-богатырь и закричал:

— Избушка, избушка! Устойся да улягся к лесу задом, а к нам передом.

Избушка перевернулась; взошли в неё, а там стол накрыт, на столе всего много — и кушаньев и напитков разных; в углу стоит кровать тесовая, на ней лежит перина пуховая. Буря-богатырь говорит:

— Вот, братцы, если б не я, вам бы ничего этого не было.

Сели, пообедали, потом легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь рассказывает:

— Ну, братцы, сегодняшнюю ночь будет выезжать змей шестиглавый; давайте кидать жеребий, кому караулить?

Кинули — досталось Ивану девкину сыну; Буря-богатырь ему и говорит:

— Смотри же, выскочит из моря кувшинчик и станет перед тобою плясать, ты на него не гляди, а возьми наплюй на него, да и разбей.

Девкин сын как пришёл, так и уснул. А Буря-богатырь, зная, что его братья — люди ненадежные, сам пошёл; ходит по мосту да тросточкой постукивает. Вдруг выскочил перед ним кувшинчик, так и пляшет; Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил на мелкие части. Тут утка крикнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская губа: змей шестиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, только земля дрожит, из-под ног ископыт по сенной копне летит, из ушей и ноздрей дым валит. Чудо-юда сел на него и поехал на калиновый мост; конь под ним спотыкается.

— Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь али недруга?

Отвечает добрый конь:

— Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын.

— Врёшь, воронье мясо! Его костей сюда ворона в пузыре не занасивала, не только ему самому быть!

— Ах ты, чудо-юда! — отозвался Буря-богатырь коровий сын, — ворона костей моих не занасивала, я сам здесь погуливаю.

Змей его спрашивает:

— Зачем ты приехал? Сватать моих сестёр али дочерей?

— Нет, брат, в поле съезжаться — роднёй не считаться; давай воевать.

Буря-богатырь разошёлся, боевой палицей размахнулся — три головы ему снёс, в другой раз остальные снёс. Взял туловище, рассёк да и в море бросил, головы под калиновый мост спрятал, а коня привязал к ногам девкину сыну, меч-кладенец положил ему в головы; сам пошёл в избушку и лёг спать, как ни в чём не бывал. Иван девкин сын проснулся, увидел коня и очень обрадовался, сел на него, поехал к избушке и кричит:

— Вот Буря-богатырь не велел мне смотреть на кувшинчик, а я посмотрел, так господь и коня мне дал!

Тот отвечает:

— Тебе дал, а нам ещё посулил!

На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить; Буря-богатырь и ему то же сказал об кувшинчике. Царевич стал по мосту похаживать, тросточкой постукивать — выскочил кувшинчик и начал перед ним плясать; он на него засмотрелся и заснул крепким сном. А Буря-богатырь, не надеясь на брата, сам пошёл; по мосту похаживает, тросточкой постукивает — выскочил кувшинчик, так и пляшет. Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил вдребезги. Вдруг утка крикнула, берега звякнули, море взболталось, море

всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская губа; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; стал перед ним как вкопанный. Сел на него чудо-юда змей девятиглавый, поехал на калиновый мост; на мост въезжает, под ним конь спотыкается. Бьёт его чудо-юда по крутым бедрам:

— Что, воронье мясо, спотыкаешься — слышишь друга али недруга?

— Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын.

— Врёшь ты! Его костей ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!

— Ах ты, чудо-юда, мосальская губа! — отозвался Буря-богатырь, — сам я здесь другой год разгуливаю.

— Что же, Буря-богатырь, на сёстрах моих али на дочерях сватаешься?

— В поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать!

Буря-богатырь разошёлся, боевой палицей размахнулся — три головы, как кочки, снёс; в другой размахнулся — ещё три головы снёс; а в третий и остальные срубил. Взял туловище, рассёк да в Чёрное море бросил, головы под калиновый мост запрятал, коня привязал к ногам Ивана-царевича, а меч-кладенец положил ему в головы; сам пошёл в избушку и лёг спать, как ни в чём не бывал. Утром Иван-царевич проснулся, увидел коня ещё лучше первого, обрадовался, едет и кричит:

— Эй, Буря-богатырь, не велел ты мне смотреть на кувшинчик, а мне бог коня дал лучше первого.

Тот отвечает:

— Вам бог дал, а мне только посулил!

Подходит третья ночь, собирается Буря-богатырь на караул; поставил стол и свечку, воткнул в стену ножик, повесил на него полотенце, дал братьям колоду карт и говорит:

— Играйте, ребята, в карты, да меня не забывайте; как станет свеча догорать, а с этого полотенца будет в тарелке кровь прибывать, то бегите скорей на мост, ко мне на подмогу.

Буря-богатырь по мосту похаживает, тросточкой постукивает — выскочил кувшинчик, так и пляшет; он на него наплевал-нахаркал и разбил на мелкие части. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская губа: змей двенадцатиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, из рта огненное пламя пышет; прибежал и стал перед ним как вкопанный.

Чудо-юда сел на него и поехал; въезжает на мост, конь под ним спотыкается.

— Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? Или почуял недруга?

— Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын.

— Молчи, его костей сюда ворона в пузыре не занасивала!

— Врёшь ты, чудо-юда, мосальская губа! Я сам здесь третий год погуливаю.

— Что же, Буря-богатырь, на моих сёстрах али дочерях хочешь жениться?

— В поле съезжаться — роднѣй не считаться; давай воевать.

— А, ты убил моих двух братьев, так думаешь и меня победить!

— Там что бог даст! Только послушай, чудо-юда, мосальская губа, ты с конѣм, а я пешком; уговор лучше всего: лежачего не бить.

Буря-богатырь разошёлся, боевой палицей размахнулся — и сразу снёс три головы; в другой разошёлся — змей его сшиб. Богатырь кричит:

— Стой, чудо-юда! Уговор был: лежачего не бить.

Чудо-юда дал ему справиться; тот встал — и сразу три головы полетели, как кочки. Начали они биться, несколько часов возились, оба из сил выбились; у змея ещё три головы пропали, у богатыря палица лопнула. Буря-богатырь коровий сын снял с левой ноги сапог, кинул в избушку — половину её долой снёс, а братья его спят, не слышат; снял с правой ноги сапог, бросил — избушка по бревну раскатилась, а братья всё не просыпаются. Буря-богатырь взял обломок палицы, пустил в конюшню, где два жеребца стояли, и выломил из конюшни дверь; жеребцы прибежали на мост и вышибли змея из седла вон. Тут богатырь обрадовался, подбежал к нему и отсек ему остальные три головы; змеиное туловище рассёк да в Чёрное море кинул, а головы под калиновый мост засунул. После взял трёх жеребцов, свёл в конюшню, а сам под калиновый мост спрятался, на мосту и кровь не подтёр.

Братья поутру проснулись, смотрят — избушка вся рассыпалась, тарелка полна крови; вошли в конюшню — там три жеребца; удивляются, куда делся старший брат? Искали его трое суток — не нашли, и говорят промеж себя:

— Видно, они убили друг друга, а тела их пропали; поедem теперь домой!

Только что коней оседлали, приготовились было ехать, Буря-богатырь проснулся и выходит из-под моста:

— Что же вы, братцы, товарища своего покидаете? Я вас от смерти избавлял, а вы всё спали и на помощь ко мне не приходили.

Тут они пали перед ним на колени:

— Виноваты, Буря-богатырь, большой наш брат!

— Бог вас простит!

Пошептал он над избушкою:

— Как прежде была, так и ныне будь!

Избушка явилась по-прежнему — и с кушаньем и с напитками.

— Вот, братцы, пообедайте, а то без меня, чай, замерли; а потом и поедem.

Пообедали и поехали в путь в дорожку; отъехавши версты две, говорит Буря-богатырь коровий сын:

— Братцы! Я забыл в избушке плёточку; поезжайте шажком, пока я за нею слетаю.

Приехал он к избушке, слез с своего коня, пустил его в заповедные луга:

— Ступай, добрый конь, пока не спрошу тебя.

Сам оборотился мушкой, полетел в избушку и сел на печку.

Немного погода пришла туда баба-яга и села в передний угол; приходит к ней молодая невестка:

— Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу вперёд и пушу ему день жаркий, а сама сделаюсь зелёным лугом; в этом зелёном лугу оборочусь я колодцем, в этом колодце станет плавать серебряная чарочка; да ещё оборочусь я тесовой кроваткою. Захотят братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тут-то и разорвёт их по макову зёрнышку!

Говорит ей matka:

— Так их, злодеев, и надобно!

Приходит вторая невестка:

— Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу наперёд, оборочусь прекрасным садом, через тын будут висеть плоды разные — сочные, пахучие! Захотят они сорвать, что кому понравится; тут-то их и разорвёт по макову зёрнышку!

Отвечает ей matka:

— И ты хорошо вздумала.

Приходит третья, меньшая невестка.

— Ах, матушка, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын вашего сына, а моего мужа. Да я отсмею ему эту насмешку: оборочусь старой избушкою; захотят они обночевать в ней, только взойдут в избушку — тотчас и разорвёт их по макову зёрнышку!

— Ну, невестки мои любезные, если вы их не сгубите, то завтрашний день сама забегу наперёд, оборочусь свиньёю и всех троих проглочу.

Буря-богатырь, сидя на печи, выслушал эти речи, вылетел на улицу, ударился оземь и сделался опять молодцем, свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, земля дрожит. Буря-богатырь сел на него и поехал; навязал на палочку мочалочку, догоняет своих товарищей и говорит им:

— Вот, братцы, без какой плёточки я жить не могу!

— Эх, брат, за какую дрянью ворочался! Съехали бы в город, купили бы новую.

Вот едут они степями, долинами; день такой жаркий, что терпенья нет, жажда измучила! Вот и зелёный луг, на лугу трава муравая, на траве кровать тесовая.

— Брат Буря-богатырь, давай лошадей накормим на этой травке и сами отдохнём на тесовой кровати; тут и колодезь есть — холодной водицы попьюм.

Буря-богатырь говорит своим братьям:

— Колодезь стоит в степях и в далях; никто из него воды не берёт, не пьёт.

Соскочил с своего коня доброго, начал этот колодезь сечь и рубить — только кровь брызжет; вдруг сделался день туманный, жара спала, и пить не хочется.

— Вот видите, братцы, какая вода настойчивая, словно кровь.

Поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли — едут мимо прекрасного сада. Говорит Иван-царевич старшему брату:

— Позволь нам сорвать по яблочку.

— Эх, братцы, сад стоит в степях, в даях; может быть, яблоки-то старинные да гнилые; коли съешь — ещё хворь нападёт. Вот я пойду посмотрю наперёд!

Сошёл он в сад и начал сечь и рубить, перерубил все деревья до единого. Братья на него рассердились, что по-ихнему не делает.

Едут они путём-дорогою, пристигает их тёмная ночь; подъезжают к одной хижине.

— Брат Буря-богатырь, вишь, дождик заходит, давай обночуем в этой хижинке.

— Эх, братцы, лучше раскинем палатки и в чистом поле обночуем, чем в этой хижине; эта хижина старая, взойдем в неё — она нас задавит; вот я сойду да посмотрю.

Сошёл он в эту избушку и начал рубить её — только кровь прыщет!

— Сами видите, какая эта избушка — совсем гнилая! Поедемте, лучше вперед.

Братья ворчат про себя, а виду не подают, что сердятся. Едут дальше; вдруг дорога расходится надвое. Буря-богатырь говорит:

— Братцы, поедемте по левой дороге.

Они говорят:

— Поезжай куда хочешь, а мы с тобой не поедем.

И поехали они вправо, а Буря-богатырь влево.

Приезжает Буря-богатырь Иван коровий сын в деревню; в этой деревне двенадцать кузнецов работают. Вот он крикнул-свистнул молодецким посвистом, богатырским покриком:

— Кузнецы, кузнецы! Подите все сюда.

Кузнецы услышали, все двенадцать к нему прибежали:

Что тебе угодно?

— Обтягивайте кузницу железным листом.

Они кузницу духом обтянули.

— Куйте, кузнецы, двенадцать прутьев железных да накаливайте клещи докрасна! Прибежит к вам свинья и скажет: кузнецы, кузнецы, подайте мне виноватого; не подадите мне виноватого, я вас всех и с кузницей проглочу! А вы скажите: ах, матушка свинья, возьми от нас этого дурака, он давно надоел нам; только высунь язык в кузницу, так мы его на язык тебе посадим.

Только успел Буря-богатырь им приказ отдать, вдруг является к ним свинья большущая и громко кричит:

— Кузнецы, кузнецы! Подайте мне виноватого.

Кузнецы все враз отвечали:

— Матушка свинья, возьми ты от нас этого дурака, он нам давно надоел; только высунь язык в кузницу, мы тебе на язык его и посадим.

Свинья была проста, недогадлива, высунула язык на целую сажень; Буря-богатырь схватил её за язык горячими клещами и вскричал кузнецам:

— Возьмите прутья железные, катайте её хорошенечко!

До тех пор её колотили, пока рёбра оголились.

— А ну, — сказал Буря-богатырь, — возьмите-ка её подержите: дайте я её попотчую!

Схватил он железный прут, как ударит её — так все рёбра пополам.

Взмолилась ему свинья:

— Буря-богатырь, пусти мою душеньку на покаяние.

Буря-богатырь говорит:

— А зачем моих братьев проглотила?

— Я твоих братьев сейчас отдам.

Он схватил её за уши; свинья харкнула — и выскочили оба брата и с лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнял её и со всего размаху ударил о

сырую землю; свинья рассыпалась аредом[4]. Говорит Буря-богатырь своим братьям:

— Видите ли, глупцы, где вы были?

Они пали на колени:

— Виноваты, Буря-богатырь коровий сын!

— Ну, теперь поедemте во путь во дороженьку; помехи нам никакой не будет.

Подъезжают они к одному царству — к индейскому королю, и раскинули в его заповедных лугах палатки. Король поутру проснулся, поглядел в подзорную трубу, увидел палатки и призывает к себе первого министра:

— Поди, братец, возьми с конюшни лошадь, поезжай в заповедные луга и узнай, что там за невежи приехали, без моего позволения палатки раскинули и огни разложили в моих заповедных лугах?

Приехал министр и спрашивает:

— Что вы за люди, цари ли царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучие богатыри?

Отвечает Буря-богатырь коровий сын:

— Мы сильномогучие богатыри, приехали на королевской дочери свататься; доложи своему королю, чтоб отдавал свою дочь за Ивана-царевича в супружество; а коли не отдаст дочери — чтобы высылал войско.

Спрашивает король у своей дочери, пойдёт ли она за Ивана-царевича?

— Нет, батюшка, я за него идти не хочу; высылайте войско.

Сейчас в трубы затрубили, в тимпаны забили, войско скопилось и отправилось в заповедные луга; столько выпало войска, что Иван-царевич и Иван девкин сын испугались.

В то время Буря-богатырь коровий сын варил пустоварку к завтраку и мешал поварешкой эту кашицу; вышел, как махнул поварешкою[5] — так половину войска и положил; вернулся, помешал кашицу, вышел да махнул — и другую половину на месте положил, только оставил одного кривого да другого слепого.

— Доложите, — говорит, — королю, чтобы выдавал свою дочь Марью-королевну за Ивана-царевича замуж; а не отдаст, так войско бы высылал, да и сам выезжал.

Кривой и слепой приходят к своему королю и говорят:

— Государь! Буря-богатырь приказал тебе доложить, чтобы отдавал свою дочь за Ивана-царевича в замужество; а сам-то он больно сердит был, всех нас поварёшкою перебил.

Приступал король к своей дочери:

— Дочь моя любезная! Ступай за Ивана-царевича замуж.

Дочь ему отвечает:

— Делать нечего, надо будет идти за него. Прикажи, батюшка, за ним карету послать.

Король тотчас карету послал, а сам у ворот стоит-дожидается. Иван-царевич приехал с обоими братьями; король принял их с музыкой, с барабанным боем, учтиво и ласково, посадил за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. Тут Буря-богатырь шепнул Ивану-царевичу:

— Смотри, Иван-царевич, королевна подойдёт и спросится у тебя: позволь мне уйти на один часок! — а ты скажи: ступай хоть на два!

Посидевши несколько времени, подходит королевна к Ивану-царевичу и говорит:

— Позволь мне, Иван-царевич, выйти в другую горницу — переодеться.

Иван-царевич отпустил её; она вышла из комнат вон, а Буря-богатырь за ней взади тихим шагом идёт.

Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетела на море; Буря-богатырь ударился оземь, оборотился соколом и полетел за ней следом. Королевна прилетела на море, ударилась оземь, оборотилась красной девицей и говорит:

— Дедушка, дедушка, золотая головушка, серебряная бородашка!
Поговорим-ка с тобою.

Дедушка высунулся из синя моря:

— Что тебе, внученька, надобно?

— Сватается за меня Иван-царевич; не хотелось бы мне за него замуж идти, да всё наше войско побито. Дай мне, дедушка, с твоей головы три волоска; так я покажу Ивану-царевичу: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка?

Дедушка дал ей три волоска; она ударилась оземь, оборотилась голубкой и полетела домой; а Буря-богатырь ударился оземь, оборотился такой же девицей и говорит:

— Дедушка, дедушка! Выйди ещё, поговори со мною, — позабыла тебе словечко сказать.

Только дедушка высунул из воды свою голову, Буря-богатырь схватил и сорвал ему голову, ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец скорей королевны. Вызывает Ивана-царевича в сени:

— На тебе, Иван-царевич, эту голову; подойдёт к тебе королевна, покажет три волоса: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову.

Вот подходит королевна, показывает Ивану-царевичу три волоса:

— Угадай, царевич, с какого корешка эта травка? Если узнаешь, то пойду за тебя замуж, а не узнаешь — не прогневайся!

А Иван-царевич вынул из-под полы голову, ударил об стол:

— Вот тебе и корень!

Королевна сама про себя подумала:

— Хороши молодцы!

Просится:

— Позволь, Иван-царевич, пойти переодеться в другой горнице.

Иван-царевич её отпустил; она вышла на крыльцо, ударилась оземь, оборотилась голубкою и опять полетела на море. Буря-богатырь взял у царевича голову, вышел на двор, ударил эту голову об крыльцо и говорит:

— Где прежде была, там и будь!

Голова полетела, прежде королевны на место поспела и срослась с туловищем.

Королевна остановилась у моря, ударилась оземь, оборотилась красной девицей:

— Дедушка, дедушка! Выйди, поговори со мною.

Тот вылезает:

— Что, внученька, тебе надобно?

— Никак твоя голова там была?

— Не знаю, внученька! Никак я крепко спал.

— Нет, дедушка, твоя голова была там.

— Знать, как была ты в последний раз да хотела мне словечко молвить, в те поры, видно, мне и сорвали голову.

Ударилась она оземь, оборотилась голубкою и полетела домой; переоделась в другое платье, пришла и села с Иваном-царевичем рядом. На другой день поехали они к венцу закон принять; как скоро от венца приехали, Буря-богатырь повёл Ивана-царевича показывать, где ему спальня приготовлена, подаёт ему три прута: один железный, другой медный, а третий оловянный, и говорит:

— Коли хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевой на твоё место.

Царевич согласился. Повёл король молодых в постель укладывать. В то время Буря-богатырь коровий сын сменил царевича и как лёг, так и захрапел; наложила королева на него ногу, наложила и другую, потом взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочил из-под неё, взял железный прут и начал её бить; до тех пор бил, пока весь прут изломал; потом принялся за медный, и тот весь изломал; после медного начал бить оловянным. Замолилась королева, великими клятвами заклалась, что не станет этаких дел делать. Поутру встал Буря-богатырь, пошёл к Ивану-царевичу:

— Ну, брат, ступай, посмотри, как твоя жена у меня выучена: которые были приготовлены три прута, все об неё изломал. Теперь живите благополучно, любите друг друга и меня не забывайте.